

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

ВЛАДИМИР ПОЛТОРАК,

доктор философских наук, директор Центра социологических и политических исследований и технологий “СОЦИОПОЛИС”; заведующий кафедрой социологии, философии и психологии Днепропетровского университета экономики и права

ОЛЕГ ПЕТРОВ,

кандидат социологических наук, Глава правления Всеукраинского благотворительного фонда региональных исследований “Единство”

Социологический механизм референдума: проблемы реализации

Abstract

The article deals with methodology and methods that are applied in sociology for conducting referendums, ensuring their sociological correctness and ways of preventing falsifications in the interests of one or another political power. An active participation of sociologists is required to make forthcoming referendums in Ukraine more effective. They help, firstly, to conduct research before referendum that reveals how the population is informed about the questions, which are brought up for nationwide discussion; secondly, to pose professionally questions in ballot-paper and correctly interpreted data obtained in the course of referendum.

Вопросам анализа сущности, специфики референдумов, проблемам организации их проведения, надежности и обоснованности получаемых результатов в украинской социологической науке уделяется минимальное внимание. Наверное, определенную роль здесь играет то обстоятельство, что до настоящего времени таких референдумов, по крайней мере “судьбо-

носных”, определяющих важнейшие пути развития общества и государства, проводилось мало.

Однако сегодня ситуация складывается таким образом, что обсуждение данного круга проблем становится не просто актуальным, но и совершенно необходимым. В противном случае украинская социология может попасть в ситуацию, сложившуюся после проведения экзит-поллов в 2004 году и прогнозных опросов — в 2006-м на выборах в парламент и местные органы самоуправления. Ситуацию, когда мощные “наезды” со стороны политиков и общественного мнения на социологическое сообщество не получили сколь-нибудь четкого и обоснованного ответа.

Почему же проблема референдумов становится в настоящее время настолько актуальной для украинской социологии (и не только социологии)? Здесь можно выделить несколько причин.

Во-первых, приближается действительно “эра референдумов”, когда с их помощью будут решаться многие кардинальные проблемы развития общества (в первую очередь, речь идет о предстоящем в Украине референдуме о вступлении в НАТО). Понятно, что недостаточно профессиональное и легитимное проведение такого референдума может в принципе изменить судьбу, важнейшие пути развития украинского общества. Не зря в ходе подготовки к выборам 2006 года некоторые партии сделали ставку на “досрочное”, неподготовленное проведение подобного референдума с целью “связать руки” руководству страны в реализации западного вектора ее развития.

Во-вторых, в Украине до сих пор нет нормального закона об общенациональном и местных референдумах. И это проблема не только политическая. Как будет показано ниже, в условиях, когда в принципе не оговорено, кто и каким образом определяет, к примеру, формулировки вопросов, на основе которых проводятся референдумы, открывается возможность для полного произвола в ходе их проведения и интерпретации результатов.

В-третьих, поскольку четко не отработана система местных референдумов, мы становимся свидетелями случаев, когда советы разных уровней (скоро, вероятно, дело дойдет и до сельских советов) самостоятельно решают такие вопросы, как предоставление русскому языку статуса государственного.

Наконец, в-четвертых (и это для социологов, наверное, главное), последние ситуации, потрясшие социологическое сообщество и связанные с проведением уже упоминавшихся экзит-поллов и прогнозных опросов, вполне могут возникнуть и в ходе реализации ряда важнейших и ответственных референдумов, намечаемых в Украине. Мы не будем здесь останавливаться на характеристике причин возникших в социологическом сообществе противоречий, связанных с упомянутыми ситуациями. Однако вполне допускаем ситуацию, когда, с одной стороны, результаты референдума будут интерпретироваться по-разному. С другой же — возникнут сомнения в четкости фиксации общественного мнения. Может быть, опять придется работать со “скрышками”?

Собственно, поэтому и возникает проблема социологического механизма референдума (в настоящей статье мы не касаемся тех непростых проблем, которые необходимо решать в этом плане политологам и юристам). А суть данной проблемы в том, что фактически существуют три типа опросов общественного мнения, связанных с политикой и “подчиняющихся” раз-

личным методическим подходам: выборы, референдумы и собственно опросы общественного мнения как таковые [1, с. 158]. При этом референдум, являясь, как и выборы, опросом мнений всей генеральной совокупности, значительно отличается от выборов, поскольку предметом изучения здесь выступает не отношение населения к персоналиям или партиям, а оценка населением разнообразных и сложных проблем жизнедеятельности общества. А это чревато не только многозначностью толкования подобных проблем в ходе референдума, но и возможностью по-разному ставить вопросы: по-разному “спрашивать” население о его отношении к путям решения таких проблем.

Выделим в настоящей статье для анализа лишь четыре основные проблемы, связанные с социологическим механизмом референдума:

- постановка в ходе референдума исключительно альтернативных вопросов и возникающие при этом проблемы “ухода” респондентов от ответов на вопросы, которые они не понимают или по которым у них нет информации;
- проблема формулировки вопросов, которые выносятся на референдум;
- многозначность формулировки вопросов или же комбинация в одном вопросе нескольких;
- специфика референдума не как механизма выявления воли народа, а подхода к анализу состояния общественного мнения на данный период.

Суть первой из обозначенных проблем сводится к следующему: “желающие” использовать референдум в своих целях могут вынести для обсуждения населением проблему, которая последнему четко не ясна, по которой у народа не выработана какая-либо четкая позиция. В принципе — совершенно очевидно, что ситуация, когда люди не знают, за что голосуют, неприемлема. Именно поэтому во многих современных демократических странах общенациональные референдумы и не проводятся, несмотря на самый высокий уровень развития демократии.

Данная проблема, к примеру, возникла в нашей стране уже в 1990 году, то есть еще до достижения Украиной независимости. Так, российский социолог В. Комаровский приводит пример одного из исследований, проведенных в это время в 22 регионах страны, в том числе и в Украине. В ходе данного исследования было определено, что проведение референдума о частной собственности на землю (а подобный референдум тогда задумывался) нецелесообразно, поскольку большинство населения не понимало достаточно четко, о чем идет речь. К примеру, многие хотели голосовать за частную собственность на землю, имея в виду лишь ту, которая отведена под дачи и огороды [2, с. 5–9].

К сожалению, это лишь один из немногих случаев, когда организаторы референдума прислушивались к мнению социологов. Скорее всего, дело было в том, что из-за развала СССР в этот период было не до таких референдумов. Уже в марте 1991 года был проведен референдум, в ходе которого с помощью “хитрейше” поставленного вопроса (см. ниже) определялись пути развития СССР. К чему может привести практика организации подобных референдумов в современной Украине, на нынешнем этапе ее развития?

Отвечая на данный вопрос, как представляется, нужно разделить подобные общенациональные референдумы на два типа. Первый — когда инициатор референдума имеет максимальный (или, по крайней мере, значительный) политический рейтинг (или же подобный рейтинг имеет выносимая на референдум идея) и результат всенародного голосования predetermined. Примеров подобных референдумов, проведенных в различных странах, множество. Достаточно напомнить, что в свое время Наполеон именно через референдум перешел от республиканской формы правления к имперской, а Гитлер именно через референдум присоединил к своим полномочиям канцлера полномочия президента.

Так что если ситуация складывается подобным образом, можно смело выносить на референдум любой вопрос. Однако имеется и другой тип референдума, когда выносимая на голосование идея, программа, в конце концов, конституционная норма не имеют подавляющего большинства приверженцев, и тогда результат референдума практически не predetermined. Именно к подобным относятся предложения о проведении в настоящее время референдумов по вступлению в НАТО, приданию русскому языку статуса второго государственного, наконец, постоянно, но завуалированно иницируемого Президентом и его окружением референдума о пересмотре результатов вступивших в силу с января 2006 года конституционных изменений.

Каковы могут быть результаты подобных референдумов? Вот здесь как раз идет речь об описываемом социологическом механизме их проведения. Начнем его характеристику с реального примера. В период подготовки к референдуму в апреле 2000 года о ряде конституционных изменений, инициированному Л.Кучмой, Центр социологических и политических исследований и технологий «СОЦИОПОЛИС» провел общенациональное исследование и установил, что относительно идеи введения в Украине двухпалатного парламента соотношение ответивших было следующим: 40% — «за»; 22% — «против»; 38% — «затруднились ответить». Уже тогда мы предупреждали, что поведение этих 38% респондентов будет вряд ли предсказуемым (см. статью автора совместно с В.Стоякиным, который в то время работал в «СОЦИОПОЛИСЕ», в газете «День» за 5 апреля 2000 года). Так оно и оказалось: в результате референдума «за» двухпалатный парламент проголосовали 82% населения. То есть в этом случае 38% «затруднившихся ответить» практически полностью «присоединились» к сторонникам данного нововведения. Кстати говоря, через два месяца в таком же общенациональном исследовании мы повторно задали подобный вопрос и опять получили такую же картину: почти треть опрошенных не знали, что такое двухпалатный парламент, и, соответственно, затруднились ответить на поставленный вопрос.

Здесь мы и подходим к сути одной из важнейших сторон специфики социологического механизма референдума. Она состоит в следующем: *если в процессе обычного социологического опроса, особенно когда речь идет о проблеме, по которой могут быть неинформированные, ставится позиция «затрудняюсь ответить» и респонденты, не имеющие по этому поводу информации, попросту отказываются отвечать, то в случае с референдумом картина складывается по-иному.* Действует механизм «реакции бумаги на карандаш» (так его метко назвал украинский социолог В.Оссовский). Иными словами, позиции «затрудняюсь ответить» в бюллетене нет, и участвующий

во всенародном опросе вынужден выбирать между “да” и “нет”, нередко даже не зная, о чем идет речь.

Следовательно, результат референдума в данном случае полностью зависит от того, каким образом распределится этот “сухой остаток” — та часть населения, которая будет голосовать, не зная, за что именно. Причем важно, что повести эта часть населения в разных ситуациях может себя совершенно неоднозначно. Возьмем, к примеру, предлагавшийся некоторыми политическими силами перед мартовскими выборами 2006 года немедленный референдум о вступлении Украины в НАТО.

Его инициаторы постоянно твердили, что за подобное вступление сегодня, по данным исследований, выступает совершенно мизерная часть населения. Это (хотя речь идет о далеко не мизерной части) в определенной мере соответствует действительности. Однако не уточняется: какая часть выступает категорически против вступления в НАТО. Судя по данным общенационального исследования Центра “СОЦИОПОЛИС”, проведенного в 2005 году, подобных категорических противников НАТО — 51%. Остальные же: или за вступление в НАТО, или точно не определились. И, следовательно, все дело в том, как поведет себя неопределившаяся часть населения. Если позитивно, то остается “сагитировать” всего пару процентов украинцев.

Точно так же на сегодняшний день абсолютно непрогнозируемы результаты голосования на референдуме, подспудно инициируемом Президентом и его командой, — об отмене результатов политической реформы. К сожалению, у нас нет данных исследования, которые бы характеризовали отношение украинцев к этой проблеме. Его попросту сегодня трудно провести, поскольку не ясно, что именно поставят под сомнение инициаторы такого референдума. Однако совершенно очевидно, что ввиду сложности вопроса (или вопросов) на референдуме о конституционных изменениях, доля людей, которые не будут понимать, о чем конкретно идет речь, будет очень велика. А поскольку рейтинг Президента и его команды сегодня не самый высокий, еще не известно, каковы будут результаты референдума. (Кстати говоря, очень интересно, почему “инициаторы” подобного референдума совершенно не думают о том, что будет с рейтингом Президента, если народ не поддержит предложенные им изменения.)

Другая важная с социологической точки зрения проблема, возникающая при организации референдума (или же — второй социологический механизм референдума, по нашей классификации), — *проблема формулировки вопроса (вопросов), которые на него выносятся*. История проведения референдумов в мире и в нашей стране полна примеров, когда только за счет “правильной” постановки вопроса организаторы референдума добивались поставленных целей, нередко преднамеренно запутывая население, участвующее в нем.

Самый яркий пример — вопрос, фигурировавший на памятном мартовском референдуме 1991 года, когда, отвечая на поставленный вопрос, более 70% украинцев проголосовали за “сохранение” Советского Союза (а уже в декабре 1991-го — более 90% — за независимость Украины). Формулировка этого вопроса была столь иезуитски коварна, что не могу отказать себе в удовольствии привести его полностью. Тем более, что молодые люди в то время не участвовали в нем и не знают о специфике подобных вопросов на референдумах.

Итак, вопрос звучал следующим образом: “Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности?” Потом социологи определили, что в этом вопросе на самом деле содержалось шесть вопросов и каждый гражданин “что-то для себя нашел” (см. ниже).

Интересен и вопрос, который был поставлен на референдуме о воссоздании Крымской автономии, который был проведен 20 января 1991 года (заметим, еще до всеукраинского референдума о независимости Украины). Он формулировался следующим образом: “Вы за воссоздание Крымской Автономной Советской Социалистической Республики как субъекта Союза ССР и Союзного договора?” Как говорится: без комментариев.

Проблема влияния фактора постановки вопроса на результат опроса поднималась неоднократно. Поэтому лучше всего ее продемонстрировать на примере, приведенном классиком социологии общественного мнения Элизабет Ноэль-Нойман, возглавляющей Алленсбахский институт демографии. Она отмечает, что при заданном вопросе: “Считаете ли вы, что на предприятии все рабочие должны быть членами профсоюза?” ответили негативно (“я против, это дело каждого в отдельности”) 20% респондентов. А при формулировке: “Считаете ли вы, что на предприятии все рабочие должны быть членами профсоюза или каждый в отдельности должен решать, хочет он быть членом профсоюза или нет?” доля подобных ответов составила уже 70% [3, с. 110–111]. Как видно, изменив формулировку вопроса, мы можем не только “подкорректировать” общественное мнение, но и изменить его коренным образом.

Разговор о формулировке вопросов, выносимых на референдумы, особо беспокоит в преддверии референдумов о вступлении в НАТО или статусе русского языка, которые могут быть в ближайшее время инициированы в Украине. Причем опасения здесь не только в плане поведения оппозиции, но и власти. Ведь, к примеру, формулировку вопроса, выносимого на референдум о вступлении в НАТО можно “заложить” в диапазоне от вопроса: “Выступаете ли вы за вступление Украины в агрессивный блок НАТО, представители которого бомбили славян в Сербии и развязали войну в Ираке?” до “Хотите ли вы, чтобы Украина для ускорения своей интеграции в Европейский Союз вступила в Североатлантический альянс?”. Обращаем внимание на то, что можно даже не упоминать аббревиатуру “НАТО”.

Кстати говоря, внесение в содержание вопроса “необходимой” для организаторов референдума модальности или же прямое искажение сути предлагаемой для оценки проблемы — лишь немногие из возможных в этом плане “вариантов” фальсификации. Так, исследования, осуществленные Киевским международным институтом социологии в период и после проведения уже упоминавшегося референдума в Украине в 2000 году, продемонстрировали следующие проблемы в формулировке вопросов: значительная длина формулировок вопросов (в некоторых было более 90 слов, что, конечно же, не способствовало их пониманию не слишком образованными гражданами); включение в вопросы сложноподчиненных предложений и грамматически сложных слов; ссылки на цитаты из дополнительных источников, с которыми знакомы далеко не все участвующие в референдуме; использова-

ние в вопросах излишне абстрактной терминологии (например, “интересы регионов Украины”, “постоянно действующее парламентское большинство”); несоответствие вариантов ответов формулировкам вопросов и др. [4, с.160–161].

Какой выход из данной ситуации? Довольно простой: формулировкой вопросов для проведения референдумов, их апробацией должны заниматься специалисты-социологи с привлечением для их оценки широкого экспертного сообщества. И если, к примеру, руководство СДПУ(о) или блока “НЕ ТАК!”, предлагавшие провести референдум о вступлении Украины в НАТО, знало бы, что формулировку соответствующего вопроса будут предлагать не они, а специалисты-социологи, вряд ли они были столь настойчивы и тратили деньги на сбор подписей. К сожалению, данная проблема по-прежнему упирается в непринятие нормального (то есть обновленного и тщательно проработанного) закона о референдумах.

Третья важнейшая проблема, связанная с социологическим механизмом референдума и уже упоминавшаяся выше, — *многозначность постановки вопроса референдума или же комбинация в одном вопросе нескольких*. Один из авторов статьи уже обращался к данной проблеме в учебном пособии “Социология общественного мнения”, вышедшем в 2000 году. Однако намечающаяся в Украине волна референдумов и попытки некоторых политиков определенным образом “поучаствовать” в этом “празднике” демократии заставляют нас напомнить о возможных ситуациях искажения результатов референдумов и в этом аспекте.

Итак, речь идет о референдуме, проведенном в СССР в марте 1991 г. и “сделанном” исключительно с целью “сохранить” СССР. Вопрос, задававшийся участвовавшим в голосовании, уже приведен выше. Причем невооруженным глазом видно, что на самом деле ставился не один вопрос, а как минимум шесть. Приведем их, указав в скобках расчеты социологов относительно числа реальных сторонников каждой из идей, выявленных при проведении специального исследования:

- считаете ли Вы необходимым сохранение федеративного устройства СССР (48% опрошенных);
- считаете ли Вы необходимым создание Союза равноправных суверенных республик (73%);
- считаете ли Вы необходимым сохранение СССР как единого государства (28%);
- считаете ли Вы необходимым сохранение в СССР социалистического строя (56%);
- считаете ли Вы необходимым сохранение в обновленном Союзе Советской власти (64%);
- считаете ли Вы необходимым гарантирование в обновленном Союзе прав и свобод человека любой национальности (92%).

Таким образом, люди могли (или должны были) голосовать положительно, даже если один имел в виду необходимость перехода к союзу равноправных суверенных государств; второй — сохранение социализма; третий — попросту гарантирование прав человека любой национальности. Понятно, что подобный “прием” может быть использован и в будущих рефе-

рендумах в Украине. Поэтому, как говорится, нельзя поручать заниматься этим политическим делом исключительно политикам.

Еще одна — четвертая — сторона социологического механизма референдума является, пожалуй, наиболее сложной; поэтому детально обсуждать ее в настоящей статье мы вряд ли сможем. Проблема в том, что в отличие от голосования, где избиратели *выбирают* определенного политика или партию, *в процессе референдума опрос населения есть не простое выявление воли народа, а анализ состояния общественного мнения по определенной проблеме в определенный период*. Не зря, кстати, в отношении референдума о вступлении Украины в НАТО никто, включая представителей нынешней украинской власти, не высказывает отрицательной точки зрения; речь идет лишь о времени проведения референдума.

Данное обстоятельство — невозможность отождествления механизмов проведения выборов и референдумов — не всегда учитывается. А ведь дело в том, что в ходе референдума анализируется, изучается исключительно приверженность к какому-либо мнению или отторжение его.

В то же время известно, что общественное мнение является одним из состояний массового сознания, которое, в свою очередь, характеризуется противоречивостью, способностью к быстрым и не всегда “оправданным” изменениям под воздействием самых разнообразных факторов. Подобное общественное мнение действительно обладает недостаточной компетентностью и устойчивостью. Поэтому воздействовать на него, вызвать его изменение можно, используя самые разнообразные, даже еще более изоцированные, чем на выборах, пиаровские технологии.

Пожалуй, самая интересная из них была применена на июльском 1993 года референдуме в России, когда ельцинскими политтехнологами было создано замечательное слово “даданетда”. Смысл его в настоящее время утрачен, однако суть состояла в том, что “требовалось” получить такое распределение ответов на четыре вопроса референдума: на первый — “да”; на второй — “да”; на третий — “нет”; на четвертый — “да”. И соответственно, простым гражданам в ходе пиаркампании “подсказывался”, вернее — “вдалбливался” в сознание “оптимальный” вариант ответа на вопросы бюллетеня.

Подведем итоги. Итак, референдум является одним из важных средств решения политических проблем непарламентским путем. Его использование в рамках, предусмотренных конституцией любой страны, нередко является действительно оправданным (по этому поводу много сказано и написано, поэтому не будем злоупотреблять вниманием читателей). В то же время, предлагая и реализуя общенациональные референдумы по важнейшим аспектам политической жизни общества (что касается местных референдумов — это другая история, нуждающаяся в специальном рассмотрении), следует иметь в виду, что в принципе речь здесь идет о своеобразной социологической технологии. Используя подобную технологию (в частности, специальную постановку вопросов, привлечение к высказываниям неинформированных граждан и т.п.), можно реализовывать самые разнообразные цели. И именно поэтому отношение к проведению референдумов, особенно в обществе, которое пока слабо политически структурировано, население которого слабо информировано, должно быть очень взвешенным и осторожным.

В любом случае очевидно, что, во-первых, ограничение сферы применения референдумов не только кругом проблем, определяемых Конституцией Украины, но и уровнем информированности большинства граждан относительно вопросов, выносимых на обсуждение (с этой целью предварять любой референдум должно репрезентативное общенациональное социологическое исследование, призванное уточнить подобный уровень информированности).

Во-вторых, в ходе подготовки и проведения референдума необходимо обязательное участие социологов, призванное обеспечить корректную постановку вопросов в бюллетенях для референдума, профессиональную интерпретацию данных всенародного опроса, что как раз и позволит устранить возможные искажения, в том числе попытки различных политических сил привнести в организацию референдумов свои эгоистические политические интересы.

Что же касается участия в организации референдумов социологического сообщества, Социологической ассоциации Украины, то, с нашей точки зрения, давно уже пора приступить к более детальному анализу и обсуждению соответствующей проблемы (как это в свое время было сделано относительно экзит-поллов), в частности, провести научную конференцию, организовать обсуждение проблемы на страницах профессионального журнала.

Литература

1. *Полторак В.А.* Социология общественного мнения. — К.; Днепропетровск, 2000.
2. *Комаровский В.С.* Размышления социолога в связи с референдумом // Социологические исследования. — 1991. — № 6. — С. 3–9.
3. *Нойман Э.* Массовые опросы: введение в методику демоскопии. — М., 1978.
4. *Паниотто В., Харченко Н.* Социологическое исследование как способ контроля за результатами выборов и референдумов // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2001. — № 1. — С. 155–170.